

Чэньша пришёл в себя уже в собственной постели. За окном сияло яркое солнце, в листве звенели птицы, а воздух, омытый ночным дождём, казался необычайно свежим.

Несмотря на ночное опьянение, он смутно помнил всё, что творил. Тело ныло так, будто его разобрали по косточкам, а затем небрежно свалили в кучу — красноречивое свидетельство того, насколько бурной выдалась ночь.

Лу Юйчэнь проверял «товар» со всем тщанием, переворачивая и так, и эдак, пока стоны не превратились в прерывистый хрип. Как опытный «первый номер», Чэньша прекрасно знал, как подстроиться под клиента, чтобы облегчить собственную участь, но даже это не спасло его от неумной выносливости «инспектора». В какой-то момент он просто провалился в беспамятство.

Чэньша попытался поднять руку, чтобы заслониться от слепящего света, но даже это простое движение отозвалось резкой болью. Он перевернулся на бок, уткнувшись лицом в подушку, и тут же зашипел от прострела в пояснице. Его заботливо омыли и смазали лекарством, однако было ясно: сегодня ему с кровати не подняться.

Дверь тихо скрипнула. Чэньша не обернулся — просто не смог.

Раздались мягкие шаги, а следом послышался голос Шухуа:

— Господин, я принесла свежий отвар. Выпейте, пока горячий. Глава союза велел вам сегодня отдыхать. Молодой господин Чэнь заходил недавно, но, увидев, что вы ещё спите, ушёл.

Чэньша невнятно отозвался. Шухуа, не говоря больше ни слова, вышла. Слыша её шаги, ставшие ещё более осторожными, чем когда она входила, он невольно усмехнулся. Неужели она боится его задеть? В конце концов, он лишь выполнил свои прямые обязанности. К тому же клиент вызывал у него симпатию, что в его ремесле случалось крайне редко. Единственное, что кололо изнутри — то, как легко его статус сменился с «личной собственности» на «разменную монету».

Жаль было переводить добро, и, выждав немного, Чэньша, преодолевая ломоту, приподнялся на локтях. Он медленно выпил горячий отвар и замер, безучастно глядя на зелень за окном.

Ветка вздрогнула: на неё опустилась крошечная птица с бирюзовым оперением. Она смешно склонила голову, огляделась и вдруг сорвалась в небо. Чэньша проводил её взглядом, а его пальцы, лежащие на одеяле, медленно сжались в кулаки. Цинь Фэн был слишком добр к нему — настолько, что он начал забывать: он лишь наложник, лишённый всякой свободы. И что с того, что их связывает Огненная Клятва? Даже если он покинет поместье Цинь, ему не выстоять против таких людей, как Цинь Фэн, Фэн Ян или Лу Юйчэнь. В этом мире у него не было даже права голоса перед этой троицей.

Пусть он унаследовал тело Фэя, для него семья Цзи из Чжаньхя оставалась чужой. Он не хотел врываться в их жизни и всё рушить. Да, он не мог заставить Цинь Фэна отказаться от сделки, как не мог стереть прошлое Фэя и его связь с Фэн Яном. Но больше всего он не желал освободиться от оков ценой обмана тех, кто когда-то любил прежнего владельца этого тела.

Трагедия Фэя, вечное сожаление Чу Сюаня... Он, обретший новую жизнь, не хотел повторять их путь. Его цель — выжить, добиться успеха и найти своё счастье. Это было его клятвой самому себе.

От долгого созерцания глаза заломило. Стоило закрыть их, как ощущения стали пугающе отчётливыми. Он не мог отрицать, что Лу Юйчэнь вызывал у него восхищение, и ночная страсть не оставила в душе неприятного осадка. Лу Юйчэнь всегда держался подчёркнуто отстранённо, называя его «Пятой Звездой», но ночью его голос смягчился до интимного «Ша». Эта отчаянная, лишённая рамок жажда на миг заставила Чэньша растеряться.

— Вчера ты был с ним.

Голос, прозвучавший совсем рядом, был незнаком, и Чэньша вздрогнул. Он резко обернулся, и взгляд его замер на нефритовой подвеске на поясе незваного гостя. Он видел её впервые, но в глубине души отозвалось странное, щемящее чувство узнавания.

Фэн Ян стоял у самой кровати. Сделай он шаг — и его колени коснулись бы тела Чэньша.

— Видишь это и даже не думаешь склониться? — в голосе императора сквозил холод.

— Его Величество... Прошу прощения, Чэньша действительно...

Договорить он не успел. Хлёсткая пощёчина опрокинула его обратно на подушки. Чэньша ожидал чего-то подобного, но удар был такой силы, что в голове загудело, а перед глазами поплыли круги.

— Продолжай, — ледяным тоном велел Фэн Ян.

Чэньша начал понимать, почему прежний Фэй так отчаянно пытался сбежать. Если этот внешне бесстрастный Фэн Ян так легко прибегал к насилию, то иного выхода и не оставалось. Оправдания бесполезны — император не станет слушать, он просто раздавит его.

Стиснув зубы от боли, раздирающей всё нутро, Чэньша попытался сползти с кровати. Но стоило ему коснуться ногой пола, как силы оставили его, и он мешком рухнул к ногам Фэн Яна.

В прошлый раз на Фэн Яне были черные сапоги с золотой вышивкой белого тигра. Сегодня — тёмно-синие, но всё с тем же искусно выделанным узором. В стране Кунлань, где поклонялись богу ветра, Белый Тигр был священным символом, правом которого обладала лишь правящая

династия. Но сейчас, оказавшись лицом к лицу с этим символом власти, Чэньша не чувствовал ничего, кроме горечи.

Он был лишь юношей, не слишком тяжёлым, но Фэн Ян с пугающей лёгкостью отшвырнул его ударом ноги к самой стене. Чэньша, прижав руку к ушибленной груди, зашелся в сухом кашле, не в силах вымолвить ни слова от боли.

— Слишком медленно.

Превозмогая слабость, Чэньша всё же заставил себя встать на колени. Склонив голову, он прерывисто выдохнул:

— Ваше Величество...

Договорить он не успел — тяжёлый сапог опустился ему на спину. Чэньша, и без того едва державшийся, уткнулся лицом в пол. Удар выбил остатки воздуха, и он замер, не в силах пошевелиться.

— Замолчи.

Чэньша едва не рассмеялся от абсурдности ситуации. Сначала император требует приветствия, затем велит молчать — что бы он ни сделал, всё было не так.

В комнате поднялся порядочный шум, и слуги не могли этого не слышать. Но ни Хуаньхуа, ни Шухуа не вошли, и даже Сюкун — тайный телохранитель, приставленный Цинь Фэном, — не подавал знаков своего присутствия. Это могло означать лишь одно: либо люди Фэн Яна оцепили покои, либо Цинь Фэн сам дал молчаливое согласие на эту расправу.

Цинь Фэн отдал его Лу Юйчэню на целую ночь, чем, несомненно, довёл Фэн Яна до бешенства. Теперь, даже если глава союза и сожалел о содеянном, он не смел мешать императору вымещать гнев. Если он не вмешается, у Чэньша ещё будет призрачный шанс выжить, но стоит Цинь Фэну сделать шаг — и Фэн Ян в ярости прикончит его на месте.

Это был тупик. Помощи ждать неоткуда. Разве что Лу Юйчэнь мог бы явиться за «товаром», но Чэньша понимал: стоит ему произнести это имя, и он не проживёт и секунды.

Поскольку дышать под чужой пятой было почти невозможно, Чэньша оставил попытки сопротивляться. Он просто замер — покорный, лишённый сил. Как мудрая жертва на плахе, он понимал: если не злить палача, можно отделаться лишь парой сломанных рёбер.

Фэн Ян надавил сильнее, и из его уст вырвались слова, полные брезгливости:

— Ты грязен.

Рёбра едва не хрустнули. Чэньша дёрнулся в жалкой попытке вздохнуть, в глазах начало темнеть. Перед тем как сознание окончательно помутилось, последовал ещё один удар — в плечо, от которого рука мгновенно онемела. Но зато давление исчезло, и лёгкие наконец наполнились воздухом. Сжавшись в комок в углу, он, которому некуда было бежать, смотрел, как Фэн Ян снова приближается к нему.

Когда в нём ещё теплились крохи сознания прежнего Фэя, он чувствовал перед этим человеком лишь сковывающий ужас. Но теперь, когда Фэй окончательно истаял, Фэн Ян стал для него чужаком. Чэньша взглянул на расшитого тигра на сапоге императора и вдруг слабо, почти издевательски улыбнулся:

— Ваше Величество... какого ответа вы ждёте?.. Чэньша — лишь Пятая Звезда Главы союза... его вещь... Его товар. Ничего более...

Он ожидал вспышки ярости, но Фэн Ян замер. Чэньша поднял взгляд, и они долго смотрели друг на друга — император и его жертва, разделяемые пропастью.

Наблюдая за этой драмой как бы со стороны, Чэньша не хотел становиться её финальной жертвой. Пришло время расставить точки.

Опершись о стену, он сел поровнее и, справившись с дыханием, заговорил:

— Что бы Чэньша ни совершил в прошлом, раз это так гневит Ваше Величество... Я действительно ничего не помню. Когда я впервые очнулся, меня едва не забил до смерти хозяин терема Фанфэй. Если бы не Глава союза, я бы давно сгнил в общей могиле. Если Ваше Величество считает, что мои грехи не имеют искупления... Три тысячи лянов. — Он закрыл глаза и закончил: — Цинь Фэн купил меня за три тысячи лянов серебром. Не думаю, что для Его Величества это большая сумма. Выкупите меня. И тогда моя жизнь будет полностью в вашей власти.

Фэн Ян молчал. Чэньша не шевелился. Прошло несколько мгновений, и вдруг горячая ладонь — странный контраст с ледяным голосом — коснулась его распухшей щеки.

— Ты... больше не Фэй?

Чэньша ответил слабой, бесцветной улыбкой:

— Чэньша — это просто Чэньша. Собственность Главы союза. И больше ничего.

Пальцы мгновенно сомкнулись на его шее, но император не стал душить. Чэньша даже не открыл глаз, его голос звучал так спокойно, будто речь шла не о его смерти:

— Ваше Величество уже убили Фэя. Если вам так ненавистно это тело, прошу... когда я умру, предайте меня огню. Тогда в этом мире не останется ничего, что вызывало бы вашу ярость. — Он помедлил и открыл глаза, встретившись взглядом с Фэн Яном: — Ничего не останется.

Рука императора заметно дрогнула, а затем соскользнула вниз. Фэн Ян снова коснулся его лица, пытаясь разглядеть в глубине зрачков иную душу.

Тщетно.

Эти глаза были подобны чистой воде, в которую только что уронили каплю туши — глубокие, затуманенные болью. Тот же контур лица, то же изящество, та же кожа... Но иная речь, иная воля, иная суть.

В третий раз Фэн Ян осознал: Фэя нет. Но странное дело: попытки избежать этого тела лишь сильнее разжигали в нём тоску. Узнав, что Лу Юйчэнь опередил его и выторговал себе ночь, он едва не обезумел от желания собственноручно прикончить наложника. Прикрывшись ностальгией и велел передать Цинь Фэну, что хочет навестить старого знакомого, император ворвался в покои и застал Чэньша в таком состоянии, что тот не мог даже ползти.

Гнев вылился в избиение, которое Чэньша едва пережил. Будь на его месте прежний Фэй — мастер-ассасин, тренированный им самим, — он бы выстоял. Но теперь он был лишь хрупким юношей с запечатанной магией и разрушенными меридианами.

Тепло ладони исчезло. Чэньша удивлённо поднял голову и увидел, что Фэн Ян стоит к нему спиной.

— Когда закончится Собрание Сотни Купцов, я заберу тебя, — бросил император, прежде чем выйти из комнаты, не оборачиваясь.

Смерть снова отступила. Чэньша тяжело выдохнул и с тоской посмотрел на кровать. Император ушёл красиво, бросив его на полу. И как ему теперь, в таком состоянии, доползти до постели?

Пока он раздумывал, дверь снова распахнулась. На пороге стоял истинный хозяин этого тела — Цинь Фэн. Чэньша лишь молча смотрел на него.

Разгромленная комната, раненый в углу... То, что здесь не было трупа, уже можно было считать чудом. Видя, что Цинь Фэн замер как вкопанный, Чэньша хрипло позвал:

— Глава...

В горле вскипела сладость, и он, не сдержавшись, сплюнул на пол сгусток густой алой крови.

Этот звук вывел Цинь Фэна из оцепенения. Он в мгновение ока оказался рядом и сжал Чэньша в объятиях.

Тело и без того кричало от боли, а Цинь Фэн в порыве чувств совершенно забыл о соразмерности сил. Чэньша едва не лишился чувств от этой «медвежьей хватки». После ночного изнурения и императорских побоев не хватало только, чтобы спаситель нечаянно додушил его.

Он судорожно замычал, напоминая о своём плачевном состоянии. Цинь Фэн спохватился, ослабил хватку и бережно перенёс его на кровать.

— Позовите Лю Ина! — крикнул он в пустоту.

Тень Сюкуна метнулась за дверь. Цинь Фэн обернулся к Чэньша, с болью глядя на багровый след от ладони на его щеке и кровь на груди.

— Чэньша...

Во рту стоял металлический привкус. Чэньша боялся, что если заговорит, то снова закашляется кровью, поэтому просто указал на чайник. Цинь Фэн мгновенно наполнил чашку. Чай был ещё тёплым. Ополоснув рот, он наконец решился подать голос:

— Спасибо... Глава союза... Со мной всё будет в порядке...

Цинь Фэн промолчал. Чэньша, истощённый до предела, не стал больше ничего доказывать и просто закрыл глаза. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь шелестом листвы за окном — звук, подобный тихой колыбельной.

Сквозь дрему он услышал голос Лю Ина, а затем почувствовал, как холодные пальцы лекаря коснулись его запястья. Чэньша не спал, но открывать глаза не хотелось.

— Ничего страшного. Серьёзных внутренних повреждений нет, император Ян Кун проявил некую... сдержанность. Но если ты хочешь, чтобы он смог сопровождать тебя на Собрании, оставь его в покое на какое-то время.

— Хорошо...

— Перестань совершать поступки, о которых потом будешь жалеть, Цинь Фэн. Я сказал всё. Пойду приготовлю снадобье, пусть Хуаньхуа заварит его и даст господину.

Когда Лю Ин ушёл, Цинь Фэн осторожно поправил подушку под головой Чэньша и укрыл его одеялом. Сознание юноши медленно погружалось в глубокий, целительный сон. В последний

миг перед тем, как окончательно провалиться в темноту, он почувствовал, как чья-то ладонь мягко легла ему на глаза, заслоняя их от яркого солнечного света.

— Остайся со мной.

<http://bllate.org/book/17524/1695655>